

*Галина Николаевна МАКАРОВА —
доктор экономических наук,
Нинель Михайловна ТОКАРСКАЯ —
доктор экономических наук, профессор,
Иркутская государственная
экономическая академия*

ПРОБЛЕМЫ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАХ СИБИРИ В ПЕРИОД РЕФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Ни одна из современных жизненно важных социально-экономических задач сибирских регионов не может быть решена без значительных инвестиций, и в то же время инвестиционная политика государства применительно к этим регионам свелась за годы реформ к отсутствию таковой, если не считать своеобразной политикой наблюдающееся в течение всех лет реформ непрерывное свертывание инвестиционных процессов в Сибири, практически почти полное прекращение государственного финансирования не только на цели расширения и обновления производства, но и даже на поддержание прежней технической базы.

Безусловно, нельзя не считаться с фактом общего глубокого инвестиционного кризиса в стране. Как известно, за период с 1990 по 1998 гг. удельный вес инвестиций в валовом внутреннем продукте России снизился с 22,4% до 10,4%. В целом в 1998 г. объем вложений в основной капитал предприятий всех форм собственности в России составил лишь около 19% от уровня 1990 г., в том числе в объекты производственной сферы — меньше 15%. В таких условиях, естественно, в тяжелом положении оказались все регионы. Но все же глубина инвестиционного кризиса существенно различается в Европейской части страны и в Сибири, причем различие это, как и на протяжении многих лет недавней плановой экономики, идет не в пользу сибиряков. Еще в 80-х гг. А. И. Гранберг отмечал, что если исключить вложения в БАМ, то темпы роста инвестиций в Сибири не только не превышают общесоюзные, но даже отстают от них. При таком исходном хроническом отставании факт свертывания государственного инвестирования в период реформ неизбежно становится более болезненным для Сибири, чем для большинства регионов Европейской части страны.

Как известно, за годы реформ, по мере превращения российской экономики в открытую систему, многие хозяйствующие субъекты со все большей надеждой стали смотреть на иностранные инвестиции как на возможный вариант выхода из кризиса. Хотя в крайне малых размерах и не в таких формах, которые наиболее желательны и выгодны в современных условиях для российской экономики, но все же иностранные инвестиции ежегодно поступают в страну. Диапазон объемов поступлений колеблется от года к году, падая в отдельные годы до 2-3 млрд. долларов и ниже или повышаясь в другие до 12-16 млрд. Но для районов Сибири и этот, крайне недостаточный по стране в целом, источник решения инвестиционной проблемы является особо ограниченным, практически ничтожно малым. Как показывает статистика, доля Сибири в общих объемах поступлений иностранных инвестиций за все годы реформ остается чрезвычайно низкой. В 1997 г. она была равна лишь 3,6% от общероссийского объема. Соответственно в Сибири не только крайне неблагоприятна современная экономическая ситуация, но и фактически блокированы в большей степени, чем в других районах страны, процессы развития. Таким образом, первой проблемой инвестиционной политики применительно к районам Сибири является проблема создания этой политики как таковой в соответствии с новыми условиями хозяйствования, причем

не в варианте «виртуальной экономики», а подкрепленной реальными поступлениями финансовых средств от отечественного частного сектора, от иностранных инвесторов и в немалой доле — от российского государства. Без государственных капиталовложений в данном случае не обойтись, так как в периоды кризисов большинство частных инвесторов не заинтересованы вкладывать свои капиталы из-за неопределенности конъюнктуры.

При разработке современной инвестиционной политики применительно к районам Сибири необходимо, на наш взгляд, уделить существенное внимание ее главной стратегической цели. Представляется, что в современных условиях эта главная стратегическая цель не может быть сведена только лишь к конкретным экономическим задачам — выводу сибирской экономики из кризиса и обновлению ее технической базы. Сибирь — настолько огромный по территории регион, что ее можно (естественно, с определенной долей условности) рассматривать как своеобразное «государство в государстве», а у государств экономика очень тесно переплетается с политикой, и нередко именно политические цели выходят на первый план. На наш взгляд, к Сибири вполне уместно отнести высказывание А. Илларионова относительно всей России, отражающее его опасение в связи с резко возросшим за годы реформ разрывом между долями России в мировой территории, населении мира и мировом ВВП. Если в 1913 г. доля России в мировой территории превышала ее долю в населении и мировом ВВП примерно в полтора раза, то в 1998 г. ее удельный вес в населении мира оказался в 4,6 раза, а удельный вес в мировом ВВП в 7 раз меньше ее удельного веса в мировой территории. А. Илларионов в этой связи отмечает, что, «как убедительно свидетельствует мировая история, сохранять такие диспропорции в течение длительного времени при наличии стран-соседей, быстро наращивающих свои демографические, экономические и военные потенциалы, не удалось никому. Рано или поздно наступает их коррекция. Если страна, оказавшаяся в подобной ситуации, своевременно не восстанавливает до приемлемого уровня свой экономический потенциал, неизбежная «корректировка» происходит за счет ее территории» [1]. Как известно, фактически в Сибири такая «корректировка» уже давно началась, поскольку идет активная колонизация ее выходцами из соседних азиатских государств — Китая и Кореи в первую очередь. Что же касается темпов экономического роста стран-соседей, то общеизвестны небывало высокие темпы развития в последние годы КНР. Феноменально высокими являются темпы роста ВВП на Тайване (за рассматриваемый период ВВП Тайваня вырос в 20,91 раза, и он занимает первое место в мире по темпам роста). ВВП Японии за эти же годы увеличился в 14,98 раза, что позволило ей занять по показателю темпов роста второе место в мире. «Нулевая» инвестиционная политика в Сибири на этом фоне представляется стратегически опасной. Соответственно, изыскание инвестиционных ресурсов для районов Сибири из внутрироссийских источников является жизненно важной не только экономической, но и политической задачей российского общества.

Проблема изыскания ресурсов тесно связана с проблемой улучшения инвестиционного климата в районах Сибири. Представляется, что вместо ставших уже традиционными перечислений несметных запасов природных ресурсов данного региона необходимо перейти к более тщательным проработкам важнейших составляющих инвестиционных рейтингов различных конкретных районов Сибири, начиная с уже имеющихся рейтингов, подготовленных журналом «Эксперт», и включая уточнения и рекомендации различных научных коллективов, исследующих социально-экономическую ситуацию в тех или иных областях и краях региона. Имеющиеся рейтинги, устойчиво фиксируя меньшую привлекательность для инвесторов сибирских регионов по сравнению с регионам европейской части страны, достаточно определенно указывают на важнейшие причины этой слабой привлекательности. Эти причины можно обнаружить в характеристиках (и выводах из них) всех

трех основных составляющих инвестиционного климата, то есть и в состоянии инвестиционных потенциалов в сибирских регионах, и в уровнях характерных для данных регионов инвестиционных рисков, и в специфике местных законодательств в области инвестиций, сформировавшихся в различных районах Сибири. При характеристиках инвестиционных потенциалов в качестве самого «слабого звена» выделяется обычно неразвитость в Сибири инфраструктуры, при характеристиках инвестиционных рисков — повышение (даже на фоне общих чрезвычайно высоких уровней инвестиционных рисков в России в целом) уровней криминальных рисков и рисков коррупции чиновничьего аппарата. Законодательство в области инвестиций оценивается как несовершенное и плохо исполняемое. Соответственно именно этим «слабым звеньям» следует уделять первоочередное внимание при решении проблемы улучшения инвестиционного климата в Сибири. Несмотря на нередкие жалобы относительно повышенных уровней инвестиционных рисков в Сибирском регионе, главное, что, на наш взгляд, в наибольшей степени отпугивает здесь инвесторов, все же не риски, а особо значительная в Сибири по сравнению со многими другими регионами страны неразвитость инфраструктуры. Именно это обстоятельство, поскольку оно напрямую связано с предстоящими повышенными затратами на освоение территории, более всего удерживает инвесторов от вложения средств в сибирскую экономику. Разумеется, обеспечение ускоренного развития инфраструктуры в Сибири — задача не одного дня, но начинать ее решать необходимо, если учесть, что в противном случае Россия рискует вскоре вообще потерять Сибирь и Дальний Восток как составные части своей территории.

Решение задачи создания в Сибири современной инфраструктуры диктуется также характерным для конца XX в. переходом развитых стран мира в новую, постиндустриальную, стадию развития. На этой стадии, как известно, промышленное производство, безусловно, сохраняет важную роль в экономике, но сам характер этого производства (по крайней мере характер его главных обрабатывающих отраслей) становится таким, что оно во все большей степени зависит от уровня развития целого ряда отраслей инфраструктуры и высококвалифицированного «человеческого капитала», а следовательно, от уровня развития науки, образования, культуры и управления.

Кроме того, на рубеже веков развитие мирового хозяйства привело к формированию такого качественно нового и чрезвычайно противоречивого по своим последствиям явления, как глобализация экономики. В условиях глобализации главную роль в мировом хозяйстве стали играть сверхмощные транснациональные корпорации (ТНК) и обслуживающие их финансовые и информационные центры, концентрирующиеся в группе наиболее высокоразвитых стран так называемого «золотого миллиарда». Монополизировав фактически все самые ценные на конец XX в. ресурсы в виде источников финансового капитала, НИОКР, новейших информационных технологий, данные страны ускоренными темпами формируют качественно новый тип экономической системы — информационную экономику, обеспечивающую принципиально иные возможности роста эффективности практически во всех важнейших сферах человеческой деятельности, что является главной причиной нарастающего разрыва между уровнями развития данных стран и остальных, технологически отставших от них стран мира. О том, насколько велика степень монополизации важнейших современных ресурсов отмеченными странами, говорят многие факты. Так, М. Кастельс, профессор Калифорнийского университета в Беркли, США, отмечает, что «Сегодня главным источником иностранных инвестиций (то есть самых ценных ресурсов, предоставляемых современным мировым рынком капиталов. — Г. М.) стали корпорации из развитых стран: в 1960 году на их долю приходилось две трети прямых иностранных инвестиций, а в конце 90-х годов — три четверти» [2]. Еще выше, по данным этого автора, концентрация в высокоразвитых странах научных

исследований и информационных технологий: «Сегодня мы наблюдаем необычайную концентрацию науки и технологий в тех немногих странах, которые являются членами ОЕСД. В 1993 году на долю 10 стран приходилось 84% мирового объема НИОКР, и эти же 10 стран контролировали 95% патентов, зарегистрированных в течение последних двух десятилетий. К концу 90-х годов одна пятая часть всего населения Земли, живущая в странах с высоким уровнем доходов на душу населения, располагалась 74% телефонных линий, и среди этих людей было более 93% мирового количества пользователей сети Интернет» [3].

Благодаря новым перспективам и тенденциям периода глобализации, крупные и крупнейшие города наиболее развитых стран наибольшего прироста своего благосостояния добиваются уже не столько от концентрации в них промышленного производства, сколько от выполнения ими функций центров информационных технологий и финансовой инфраструктуры. В этих условиях для многих городов становится недопустимо расточительным позволять промышленности занимать значительную часть городской территории громоздкими, к тому же нередко экологически вредными, ресурсоемкими производственными объектами. Соответственно все большая часть промышленных отраслей оттесняется по возможности в пригородные зоны или города-спутники. В последние десятилетия данный процесс совершенно очевидно распространился на производство электроэнергии (а в последнее время и теплоэнергии), на топливную, нефтеперерабатывающую и нефтехимическую, химическую, отчасти деревообрабатывающую и пищевую отрасли промышленности. Даже полиграфическая промышленность, которая для всех крупнейших городов является высокопрофильной отраслью, постепенно перемещается в пригородные зоны или спутниковые города. Из всех промышленных отраслей, доля которых непрерывно повышается в структуре промышленности крупных и крупнейших городов, выделяется лишь одна отрасль — машиностроение и металлообработка, рост которой обеспечивается прежде всего за счет новейших наукоемких подотраслей сектора высоких технологий.

В масштабе общества в целом отмеченные выше процессы обобщенно отражаются прежде всего в ускоренном развитии сферы услуг, в первую очередь — услуг предоставления информации и капитала. Не случайно, чем значимее роль страны в информационных технологиях и в финансовых потоках, тем выше в ее экономике удельный вес занятых в сфере услуг и выше доля общественного продукта, созданная в этой сфере. Как показывают исследования начала 90-х годов, в США доля ВВП, приходящаяся на сферу услуг, составляла 75%, в Гонконге — 73%, в Канаде — 68%, во Франции — 67%, в Нидерландах — 65%. Весьма показательна в этой связи, что доля сферы услуг в российском ВВП составила в этот же период, по тем же данным, лишь 20% [4]. Другим наиболее очевидным отражением и доказательством того, что начался переход к новой информационной экономике, является то, что самыми высокими темпами стали развиваться именно такие города и целые урбанизированные зоны, где сочетается повышенная концентрация передовых наукоемких отраслей производства, новейших элементов в информационной технологии и наиболее высококвалифицированных кадров. В этом отношении не имеет пока равных в мире знаменитая Силиконовая долина в США (район концентрации отраслей электроники и комплекс обслуживающих их отраслей инфраструктуры в Калифорнии), которую еще с 80-х гг. специалисты характеризуют как наиболее стремительно развивающийся регион мира. Необычайный динамизм развития сектора высоких технологий в США является прямым следствием того, что Силиконовая долина — это общепризнанный лидер одновременно как в сфере информационных технологий, так и в «скупке чужих мозгов», поскольку там работают самые высококвалифицированные специалисты из разных стран мира. Даже по тем данным, которые считают возможным публиковать сами США, доля иностранцев (то есть лучших выпускни-

ков университетов других стран, «подготовленных для США») растет из года в год. Если в 80-х гг. эта доля оценивалась в 16-20%, то, по данным ведущего экономиста-аналитика Силиконовой долины Анны Ли Саксениан, «в Силиконовой долине в 1990 г. 30% работающих в сфере высоких технологий были иностранцами, сгруппированными главным образом по профессиональному признаку» [5]. Подобные центры высоких технологий формируются и в других странах.

Ориентируясь на происходящие в мире перемены, следует, очевидно, оценивать и круг задач, стоящих перед сибирскими регионами. Ведь чем более открытой экономической системой становится Россия, тем в большей мере процессы, характерные для развитых стран, должны появляться и здесь, если мы не хотим, чтобы Россия окончательно утратила роль государства, с которым следует считаться в экономике и политике. Если учесть, что наиболее «востребованными» в мире в настоящее время и на перспективу являются не добывающие и металлургические города, а такие, которые способны либо создавать продукцию высоких технологий, либо обеспечивать сектор высоких технологий широким комплексом НИОКР, информационной и финансовой инфраструктурой, то очевидно: те сибирские города, которые обладают достаточно развитым научно-техническим потенциалом или достаточно широкой сетью современных составляющих финансовой инфраструктуры, не следует обременять дополнительными промышленно-производственными мощностями, связанными с «нижним этажом» индустрии. Это тем более необходимо, что большинство современных городов Сибири крайне неблагоприятны в экологическом отношении, а именно на «нижних этажах» производства преобладают особо грязные технологии. Как в период социалистической индустриализации сибирские города обеспечили формирование самой ценной «составляющей» экономики того времени — создание отечественной тяжелой индустрии, так и сейчас, когда тоже в определенном смысле решается судьба страны, города Сибири призваны обеспечить формирование нового источника экономического роста — достаточно развитого и эффективного комплекса отраслей, необходимых для перехода отечественной экономики к новой информационной модели развития.

С отмеченных позиций весьма своеобразными представляются перспективы дальнейшего роста промышленного производства в Иркутске как областном центре стратегически важного региона Восточной Сибири. С одной стороны, Иркутск никогда не был чисто промышленным городом. Хотя в довоенные и первые послевоенные пятилетки его развитие шло в основном за счет наращивания промышленного производства, все же исторически его формирование было обусловлено прежде всего административными, торговыми и культурно-образовательными функциями. Роль последних особо усилилась в связи с формированием Иркутского научного центра, расширением сети вузов и развитием социальной инфраструктуры города. Не случайно к настоящему времени доля Иркутска в общих по области объемах промышленного производства (10%) в 4,5 раза ниже, чем в объеме платных услуг (46%). С другой стороны, несомненно негативным фактором для Иркутска является наблюдавшееся на протяжении целого ряда лет реформ сокращение в городе объемов промышленного производства, поскольку в первую очередь сокращение происходило в такой принципиально значимой для любого современного крупного города отрасли, как машиностроение. Известно, что был год (1994), когда падение объемов промышленного производства в городе, в первую очередь за счет данной отрасли, составило почти 80% к уровню 1991 г. Происходившее в последующие годы некоторое замедление темпов падения и даже достигнутый в отдельных отраслях рост объемов производства нельзя считать доказательством преодоления кризиса в промышленном секторе городской экономики. То, что вместо машиностроительного комплекса на первый план по доле в общем объеме выпуска промышленной продукции вышла пищевая промышленность (40% в 1998 г.), было, конечно, очень важно в плане обес-

печения продовольственных нужд населения региона, но этот же факт наглядно свидетельствовал о явном недоиспользовании промышленного потенциала Иркутска, поскольку невостребованными оставались самые квалифицированные кадры городских предприятий машиностроительного профиля. Началом истинного возрождения промышленности Иркутска следует, очевидно, считать лишь 1999 и 2000 гг., когда положительная динамика стала наблюдаться не только в пищевой промышленности, но и в машиностроительном комплексе, причем именно в этом комплексе темпы роста оказались таковы, что в отраслевой структуре иркутской промышленности опять на первое место вышли машиностроение и металлообработка (62,9% от общих объемов промышленного производства в городе по итогам за 1999 г.).

Особо ценным представляется то, что, очевидно, несмотря на все негативные стороны реформ, городской машиностроительный комплекс начинает свое возрождение в рыночных условиях с более высокого, чем ранее, уровня экономической эффективности. Если в 1991 г. доля машиностроения и металлообработки в общих объемах промышленного производства в Иркутске составляла (в действующих ценах) 37%, а в численности промышленно-производственного персонала почти 60%, то в 1999 г., обеспечив почти 63% от общегородского объема производства, данная отрасль «отвлекла на себя» только 47% от общей численности городского промпersonала. Такая динамика говорит о способности машиностроительного комплекса Иркутска к интенсификации, без чего невозможно было бы надеяться на его достаточную жизнеспособность в условиях рыночной экономики.

Известно, что машиностроительная отрасль в Иркутске, как и в ряде других областных центров и индустриальных городов Сибири, в течение многих лет была представлена двумя весьма неравнозначными и фактически изолированными друг от друга секторами — открытым гражданским (то есть работающим на гражданские отрасли) и закрытым, работающим по оборонным заказам. Эти два сектора до сих пор имеют существенные различия в источниках и объемах финансирования, состоянии технической и технологической базы, уровнях квалификации кадров, в результате чего производство продукции высоких технологий доступно преимущественно лишь оборонному сектору. Хотя изоляция данных двух секторов эффективно оправдывается соображениями обеспечения государственной безопасности, нельзя не признать, что, с позиций повышения уровня эффективности всей национальной экономики, сосредоточение важнейших элементов и звеньев сектора высоких технологий в изолированных от окружающего мира «закрытых городах», различного рода «наукоградах», секретных заводах и лабораториях — фактически тупиковый путь, так как для уверенного общего технологического прогресса национальной экономики необходимо по-настоящему массовое приобщение к высоким технологиям широкого круга отраслей, причем в сроки не более, а менее длительные, чем в развитых рыночных странах, если всерьез ставить задачу сокращения технологического разрыва с ними в XXI в. Как отмечают специалисты, «по-настоящему развитыми смогли стать только те страны, которые не изолировали этот труд (то есть труд ученых и специалистов в области высоких технологий. — Г. М.) в безопасных для системы управления и потому бесполезных для общества анклавах, но превратили его в мотор постепенного не только технологического и экономического, но и социального преобразования. Разнообразные технопарки — от Силиконовой долины в США до Киберсити в Малайзии — не являются «закрытыми» и изолированными от общества; именно в этом и заключается основная причина их эффективности» [6].

Тот факт, что именно иркутские предприятия оборонного комплекса стали получать в последние годы крупные заказы и, главное, что именно с Иркутским производственным авиапредприятием Индия в 2000 году заключила свой уникальный по объемам (в масштабах не только российской, но и мировой экономи-

ки) контракт на несколько миллиардов долларов, говорит о том, что возможности иркутского сектора высоких технологий уже сейчас весьма велики и будут развиваться чрезвычайно высокими темпами в предстоящий период. На этом фоне, безусловно, не может быть и речи об ослаблении отрасли промышленности в Иркутске, напротив, эта отрасль в предстоящие годы будет чрезвычайно активно развиваться. Вместе с тем, усиление значимости промышленности в Иркутске не будет означать его движения назад, в эпоху промышленных городов индустриальной стадии. Наоборот, Иркутску в виде данного заказа предоставлен шанс стать одной из особо заметных в Сибири «точек роста» новой постиндустриальной экономики с присущим ей преобладанием сферы услуг. Этот шанс, разумеется, будет реализовываться тем полнее, чем большей окажется часть иркутских машиностроительных предприятий, академических и отраслевых институтов Иркутского научного центра, иркутских вузов и колледжей, которые сумеют доказать свою значимость в обеспечении выполнения индийского контракта, и чем выше будет уровень благоустройства, развития социальной инфраструктуры в Иркутске, без чего невозможно будет закрепить здесь высококвалифицированные кадры. То есть чем быстрее в Иркутске будет развиваться сектор современной наукоемкой промышленности и чем полнее будет преодолевать изоляция этого сектора от остальных звеньев и подсистем городского воспроизводственного комплекса, тем быстрее и по все более широкому кругу направлений будет усиливаться многофункциональность города, тем очевиднее будет превращение Иркутска в город постиндустриальной стадии — с высокоразвитой промышленностью, но не промышленный по своим важнейшим социально-экономическим характеристикам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский статистический ежегодник: Стат. сб / Госкомстат России. М., 1999.
2. Кастельс М. Глобальна ли глобальная экономика // Экономические стратегии. 2000. № 4. С. 16.
3. Там же. С. 19.
4. Халевинская Е., Крозе И. Мировая экономика. М., 2000. С. 201.
5. Кастельс М. Указ. соч. С. 21.
6. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / Под ред. М. Г. Делягина. М., 2000.

*Вера Владимировна ГАВРИЛЮК —
доктор социологических наук,
профессор*

МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ МИРОВОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Преобладающей силой последних десятилетий двадцатого века стал процесс глобализации, формирующий новую эпоху экономического роста наций. Глобализация рассматривается как процесс возникновения мирового сообщества на основе формирования единого экономического, политического и культурного пространства. Суть глобализации ряд авторов связывают с понятием общественного прогресса, определяющего становление на базе отдельных обществ «мирового сообщества» — универсальной планетарной цивилизации с ее отношением к уникальным цивилизациям, культурной самобытности отдельных народов и суверенитету их государств [4]. Оценка социологами направленности этого процесса неоднозначна, хотя преобладающей является позитивная характеристика. Между тем противоречивость про-